

Благородные скакуны под стать своим наездникам, охваченные азартом юноши — в такие мгновения жизнь кажется удивительно легкой и ясной. Черные пряди волос, взметнувшиеся на ночном ветру, очертили в воздухе изящную дугу, вторя высокому полету юных сердец.

Пожалуй, Чжань Чжао слишком давно не позволял себе подобных вольностей, раз сейчас в его душе шевельнулось непривычное упрямство.

— Ну что, Котик? Твой Пятый брат Бай всё-таки помастеровитее будет, а? — Бай Юйтан так и сиял, глядя, как трактирный слуга уводит коней в конюшню.

Кот же, вопреки обыкновению, лишь едва заметно поджал губы. Редкое, почти детское проявление досады показалось Юйтану до того трогательным, что в груди защемило. Пятый господин поспешно раскрыл веер, прикрывая лицо, чтобы скрыть непрошенный румянец, и заговорил с той нарочитой бравадой, что призвана была замаскировать минутное смущение.

— Это лишь потому, что ты сорвался с места на шаг раньше, — отозвался Чжань Чжао. В его голосе, при всей внешней невозмутимости, всё же проскользнули нотки нежелания признавать поражение.

Для Бая это был добрый знак. Южный Герой не отличался склочным нравом; вернее сказать, в нём почти невозможно было разглядеть и тени честолюбия. Но если он начинал испытывать к кому-то подобное «недовольство», значит, этот человек уже проложил путь к его сердцу. Бай Юйтан недаром почитывал военные трактаты: «Знай врага и знай себя».

— Котик, перекладывать вину на обстоятельства — поступок не мужественный, — усмехнулся Бай.

Чжань Чжао что-то шепнул в ответ, но развивать спор не стал. Видеть его таким — живым, по-мальчишески азартным — было великой удачей. Юйтан слегка отвернулся, пряча улыбку. Не стоило позволять Чжао-эру слишком рано догадаться о том, что творится в душе Пятого брата.

— Брат Бай, пойдём в дом, — предложил Чжань Чжао, не заметив ничего подозрительного.

Бай Юйтан был до крайности осторожен, а Страж Чжань — порой непростительно медлителен в делах сердечных, чтобы уловить сокровенное за маской дружеской подначки чувство.

— Иду, — Юйтан небрежно взмахнул веером, краем глаза заметив подозрительные тени неподалеку. Он усмехнулся в предвкушении.

Ночь сгущалась. В этот миг Бай Юйтану вдруг вспомнился вечер двухлетней давности в поселении Мяо — тот самый образ в голубых одеждах, что исчез прежде, чем он успел его настичь. Тогда он долго корил себя: почему не подошел, не спросил, откуда родом этот достойный муж? Почему в ту ночь, одурманенный лекарством, спал так крепко, что позволил

ему уйти? Но теперь он понимал: пусть встреча и запоздала, она не была слишком поздней.

Спать не хотелось. Одно сознание того, что за стеной находится человек, о котором он грезил последние два года, прогнало всякую дремоту. Бай Юйтан сел на постели, прислушиваясь к шорохам в трактире. Чжань Чжао, обладавший немалым опытом странствий, наверняка тоже заметил неладное. Скорее всего, мечник решил просто дожидаться, пока негодяи сами заберутся в силки.

Пятый господин решил навестить соседа и обсудить план действий.

— Котик...

— Входи.

Ответ последовал незамедлительно. Чжань Чжао будто ждал его. Когда Юйтан толкнул дверь, мечник как раз проверял принесенный ужин на яды. Тонкая серебряная игла в тусклом свете свечи блеснула, делая черты лица Чжань Чжао мягкими, почти призрачными.

— Ты думаешь, это...

— Скорее всего, люди трактирщика, — улыбнулся Чжань Чжао. — Хозяин явно в доле с теми типами, что выдают себя за охранников каравана. Не уверен, что они сообщники во всём, но осторожность не помешает.

Едва он договорил, как игла в его руке начала менять цвет, подтверждая худшие опасения.

— Потемнела.

На металле проступил едва заметный серый налет. Человек, не искушенный в боевых искусствах, вряд ли обратил бы внимание на столь легкое изменение, но для мастеров калибра Чжаньлу и Рисующего Тень всё было очевидно.

— Это не смертельный яд, скорее сильное снотворное, — Чжань Чжао спрятал иглу. — Убивать им не с руки. Городок хоть и мал, но людной, а по ночам здесь светло. Трупы прятать негде. Обычный «черный трактир», грабят заезжих путников. Будь иначе, местный судья давно бы поднял тревогу.

— Кот, нельзя же во всяком чиновнике видеть Бао Чжэна. Господин Бао — человек кристальной честности, это вся страна знает, но остальные...

— Брат Бай, я вовсе не идеализирую их. Просто если бы они грабили местных, в округе воцарился бы хаос, и слухи дошли бы до верхов. Всё-таки мы уже совсем недалеко от

Кайфэна...

Всего день пути. Бай Юйтан согласно кивнул.

— И что же они надеются у нас найти?

Едва сорвался вопрос, как лицо Чжань Чжао внезапно побледнело.

— Брат Бай, а Три дарованных императором сокровища? Ты их надежно спрятал?

Сокровища? Бай Юйтан всегда носил их при себе в дорожном узле. Чжань Чжао это прекрасно знал.

— Если они сейчас обыскивают твою комнату... — начал Страж Чжань.

Три дарованных императором сокровища под угрозой! Чжань Чжао рванулся к двери, снедаемый тревогой. Увидев в соседнем окне три тени, он едва не бросился внутрь, но Юйтан вовремя перехватил его руку.

— Кот, не горячись. Там всего трое, не те фигуры, чтобы паниковать. Будь они серьезными мастерами, не прозябали бы в этой дыре. Ты карауль здесь, в коридоре, а я заберусь через окно и перекрою им путь. Никуда они не денутся.

— Хорошо. Будь осторожен.

Чжань Чжао мгновенно успокоился. Одним бесшумным движением он взлетел под самый потолок и затаился на балке — привычное дело для того, чья служба полна засад и погонь. Бай Юйтан одобрительно кивнул тени в вышине, скользнул в окно своей комнаты и бесшумно выбрался на крышу.

— Старший брат, а ведь они из богатеньких! Столько серебра, на этот раз мы сорвали куш! — Голоса в комнате были приглушенными, хриплыми от жадности. — Интересно, что за птица в соседней комнате?

— Тот, в голубом, небось, просто прислуга. Видал, как скромно одет?

— Мал ты еще, дурень. Умные люди богатство не выпячивают. На нём одежда хоть и без украшений, а сшита справно, добротна, из дорогой ткани. А вот этот беляк явно баловень судьбы, раз так открыто деньги разбрасывает. Но раз они вместе едут, значит, и голубой не из простых, просто поосновательнее будет.

— Ну и глаз у тебя, главарь! Значит, теперь идем к тому, в голубом...

— Стой! Это что такое? — Голос главаря внезапно дрогнул. — Ткань желтая... Неужто императорская родня?

— Что там?

— Если это родня государя... А, да плевать! Сделаем дело и поминай как звали. С какой стати нам за гроши на этого трактирщика горбатиться? Заберем всё, а этот желтый сверток подбросим в комнату хозяина. Пусть потом оправдывается перед властями, нам же чище.

— Мудро, главарь!

Но не успели они коснуться добычи, как запертая дверь внезапно распахнулась. Ворвавшийся холодный ночной ветер заставил воришек вздрогнуть. Один из подручных затрясся, едва выговаривая:

— Г-главарь... что это? Почему она... сама?

Главарь, хоть и был напуган, всё же нашел в себе силы подойти к порогу. Никого не обнаружив, он захлопнул дверь.

— Пусто. Ветер, верно, разгулялся...

Но стоило ему договорить, как дверь снова распахнулась настежь. На этот раз страх сковал их окончательно. Людям, чья совесть нечиста, во всём видится кара небесная. Они рухнули на колени, неистово колотя лбами об пол.

— Небожитель, пощади! Это не я, это всё трактирщик придумал! Он велел нам вещи красть, а сам обещал весточки передавать! Святой старец, не губи!

— Не спеши. Вина на всех поровну. Отвечай: давно ли вы этим промышляете?

Голос, прозвучавший в тишине, был чист и бесстрастен. Чжань Чжао от природы обладал возвышенным обликом, а теперь, напитава слова внутренней силой, заставил их звучать откуда-то свыше, мягким, но пугающим эхом.

— Л-лет пять или шесть... точно не помним, господин божество...

— И зачем же вы встали на этот путь?

— Мы... мы тогда караван потеряли, платить хозяину было нечем, бежали, куда глаза глядят. Прибились к этому трактиру, а хозяин и предложил... Помилуйте, мы не хотели греха на душу брать, но нужда...

Оправдания — вечный спутник тех, чьи дела выплыли на свет.

— Довольно. Верните всё на свои места. Учитывая, что жизнью вы не губили, я дарую вам помилование. Уходите прочь и найдите честный способ кормиться.

Милосердие Чжань Чжао было известно во всём мире боевых искусств. Он всегда давал второй шанс.

— Спасибо, святой старец! Храни тебя небо!

Негодяи засуетились, торопливо возвращая каждую монету и каждую мелочь. Один, правда, попытался было припрятать безделушку, надеясь, что «небожитель» не заметит, но «божество» на крыше было куда менее терпеливым. Точно пущенный камень «Летящая саранча» выбил воришке зубы, заставив его ткнуться лицом в пол.

— Дедушка бог, виноват! Бес попутал, больше никогда! — грешник забился в поклонах.

Сидящий на балке Чжань Чжао лишь вздохнул. На крыше послышался едва уловимый шорох — это Бай Юйтан, забавляясь, помахивал веером. Южный Герой чувствовал, что воришка вот-вот разобьет себе лоб в кровь, и пусть тот заслужил кару, Чжань Чжао всё же было немного не по себе от собственного величия. Но слова были сказаны, и месть свершилась — по-своему изящно и справедливо.

<http://bllate.org/book/17405/1658811>